

А. А. ЧЕКАЛОВА

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ЗНАТНОСТИ В ВИЗАНТИИ IV—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в.

Казалось бы, выход в свет двух объемистых томов «Просопографии Поздней Римской империи»¹ должен был бы стимулировать комплексное изучение ранневизантийской знати. И все же, несмотря на то, что исследователи не оставляют без внимания эту тему², современное византиноведение пока не располагает работой, аналогичной фундаментальному труду Р. Тальберта о римской сенаторской аристократии³. У исследователей нет и согласия в том, как собственно следует понимать сам термин «знать». По мнению одних специалистов, в Византии существовала как старая знать, так и новая, комплектовавшаяся из чиновников. Эту последнюю авторы отождествляют с сенаторской аристократией Константинополя. Так, французская исследовательница Ш. Воглер на основе изучения *cursus honorum* отдельных представителей сенаторского сословия приходит к выводу об исключительно чиновном характере константинопольской аристократии⁴. Точку зрения Ш. Воглер разделяют М. Клаус, В. Кюноф и И. Бонфис⁵. Именно этим, по всей видимости, объясняется их интерес скорее к административной, нежели к социальной истории Византии.

С другой стороны, Ж. Дагрон считает, что к середине V в. в Византийской империи сформировалась замкнутая и отличная от других сословий сенаторская знать⁶. Ученый в данном случае примыкает к точке зрения П. Пети, полагавшего, что в течение IV в. константинопольский сенат, объединив социальную элиту империи, стал весьма представительным мощным учреждением, которое по своему влиянию не уступало императорской власти и вполне могло ей противостоять⁷.

Во многом согласны с Ж. Дагроном Г. Л. Курбатов и Г. Е. Лебедева, по мнению которых сенаторская аристократия Византии формировалась

¹ Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. L., 1971. Vol. 1. (Далее: PLRE. 1); Martindale J. R. The Prosopography of the Later Roman Empire. L., 1980. Vol. 2. (Далее: PLRE. 2).

² Dagron G. Naissance d'une capitale: Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1974. Ch. IV, V. P. 120—204; Chastagnol A. Remarque sur les sénateurs orientaux au IVe siècle // Acta antiqua. 1976. Vol. 24. P. 329—352; Idem. L'évolution politique, sociale et économique du monde romain de Dioclétien à Julien: La mise en place du régime du Bas-Empire (284—363). P., 1982. P. 205—222; Лебедева Г. Е. Социальная структура ранневизантийского общества: (по данным кодексов Феодосия и Юстиниана). Л., 1980. Гл. IV, V. С. 130—163.

³ Talbert R. J. A. The Senate of the Imperial Rome. Princeton, 1984. Для более позднего периода см.: Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI—XII вв. М., 1974; Каждан А. П., Чичуров И. С. О структуре византийского общества VII—IX вв.: Проблема социальной стратификации и книга П. Яннопулоса // ВО. 1977. С. 107—137.

⁴ Vogler Ch. Constance II et l'administration impériale. Strasbourg, 1979. P. 235—236. Эту точку зрения высказал в свое время еще Р. Гийан. См.: Guillard R. La noblesse byzantine: Remarques // REB. 1966. T. 24. P. 45—46.

⁵ Clauss M. Der magister officiorum in der Spätantike (4.—6. Jahrhundert): Das Amt und sein Einfluss auf die Kaiserliche Politik. München, 1980; Kunoff W. Studien zur zivilen senatorischen Laufbau in 4. Jahrhundert n. Chr. Ämter und Ämterinhaber in Klarissimat und Spectabilität. Frankfurt a. M., 1983; Bonfils G. de. Il comes et questor nell'età della dinastia costantiniana. Neapel, 1981.

⁶ Dagron G. Op. cit. P. 191—192.

⁷ Petit P. Les sénateurs de Constantinople dans l'oeuvre de Libanius // L'Antiquité classique. 1957. T. 26. P. 347—382.

за счет богатейших землевладельцев восточных провинций — верхушки муниципальной знати, так сказать, на ее руинах⁸. Развивая эту точку зрения, исследователи предлагают отказаться от деления ранневизантийского господствующего класса на «земельную аристократию» и «служилую знать» (бюрократию), выдвигая новый термин «гражданская знать», подразумевающий как сопричастность земельной аристократии к «государственной», «гражданской» службе, так и приобщение к ней части лиц, получавших сенаторское достоинство благодаря продвижению по административной лестнице и становившихся затем провинциальными магнатами⁹.

Итак, мы видим, сколь полярны точки зрения исследователей относительно ранневизантийской знати. Поэтому нам представляется небезынтересным рассмотреть, кого сами византийцы считали знатным, какие категории знати они различали и как эволюционировали их взгляды на знатность.

Как показывают современные исследования, уже в Римской империи представления о знатности начали меняться. Если во времена ранней империи (как и во времена республики) знатным (в самом узком смысле этого слова) считали лишь консулов и их потомков независимо от того, было ли консульство ординарным или дополнительным (*suffectus*)¹⁰, то с IV в., когда консульство уже утрачивало свое прежнее значение, знатным в среде самих сенаторов считали того, кто отличался давностью рода. По мнению Симмаха, человек не мог считаться знатным только потому, что отец его был сенатором, не говоря уже о сенаторах в первом поколении. Давность рода играла для Симмаха и людей его круга огромное значение. Выступая в сенате с речью в поддержку Синезия, чей отец, Рустик Юлиан, был сенатором и являлся уже проконсулом Африки¹¹, Симмах вместе с тем отметил: «...propago generis, quanto longius recedit a novis tanto altius tendit ad nobiles»¹².

Между тем для представителя греческой интеллигенции, антиохийца Аммиана Марцеллина римский сенат — это собрание, объединявшее *nobiles* империи¹³. Таким образом *nobilis* и *vir clarissimus* в представлении Аммиана — вещи равнозначные¹⁴.

⁸ Лебедева Г. Е. Указ. соч. С. 155; Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Византия: проблемы перехода от античности к феодализму. Л., 1984. С. 68—69.

⁹ Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Указ. соч. С. 69.

¹⁰ Barnes T. D. Who were the Nobility of the Roman Empire? // Phoenix. 1974. Vol. 28. P. 444. По мнению М. Гельдера и других исследователей, *nobiles* империи — это потомки консулов времен республики. См.: Gelzer M. Die Nobilität der Kaiserzeit // Hermes. 1915. Bd. 50. S. 395—415; Seager R. Introduction // Gelzer M. The Roman Nobility / Transl. by R. Seager. Oxford, 1969. P. XIV. О спорности этой точки зрения см.: Hill H. Nobilitas in the Imperial Period // Historia. 1969. Bd. 18. P. 230—250. Другие исследователи относят понятие *nobiles* к потомкам всех римских сенаторов времен республики независимо от того, являлись ли они консулами или нет (см.: Groag E. Buliëev Zbornik / sterna buliciana. Zagreb; Split, 1924. P. 254; Barbieri. L'Albo senatorio de Settimo Severo a Carino (193—285). Roma, 1952. P. 474). Р. Тальберт показал, однако, что число потомков сенаторов времен республики в эпоху империи в римской курии было весьма незначительным. См.: Talbert R. J. A. Op. cit. P. 35—38.

¹¹ PLRE. 1. P. 479.

¹² Symmach. Or. 7.4. В письме X. 6.7 Симмах четко отграничивает сословие сенаторов (*ordo*) от сенаторов, исполнявших соответствующие должностные функции.

¹³ Ammiani Marcellini Rerum gestarum. 16.10.13; 21.12.24.

¹⁴ Как полагает Т. Барнс, употребление Аммианом Марцеллином титула *vir clarissimus* наряду с понятием *nobilis* является показателем осознаваемого Аммианом социального различия внутри римского сената (см.: Barnes T. D. Op. cit. P. 445—446). Конечно, Аммиан кого-то больше отличал в римском сенате, но это отнюдь не значит, что других сенаторов он не считал знатными. Так, историк употребляет титул *clarissimus* (кстати сказать, вполне официальный титул сенатора, а до второй половины IV в. и единственный) по отношению к братьям Таррацию Бассу и Каменью, происходившим из знатного рода Кейониев (см.: PLRE. 1. P. 157, 177). Скорее всего, *vir clarissimus* и *nobilis* у Аммиана — синонимы, в чем сказались традиции греческого Востока, где члены курии и благородные по рождению являлись понятиями равнозначными.

Что же касается императора, его администрации и придворных, в среду которых к концу IV в. попадают и представители провинциальной аристократии, такие, как Амвросий Медиоланский¹⁵ или Пруденций¹⁶, то они, со своей стороны, считали знатными высших в табели о рангах сановников, входивших в разряд иллюстриев (т. е. префектов претория, префектов Рима, патрикиев, консулов)¹⁷. Между тем ординарного консульства в IV в. удостаивались главным образом военачальники и высшие чиновники¹⁸, и в то время как префектура Рима находилась в руках родовитой сенаторской знати¹⁹, префекты претория редко бывали сенаторами по происхождению. Обычно они попадали в сенат именно благодаря своей должности, т. е. являлись сенаторами в первом поколении²⁰.

По мнению Т. Бариса, эти различия во взглядах на знатность отражали эволюцию в представлении о ней²¹. В действительности же они отражали представления о знатности, имевшиеся у разных слоев населения Западной Римской империи, поскольку Симмах, Амвросий и Пруденций являлись современниками, и Симмах произнес упомянутую выше речь в защиту Синезия до 376 г.²², т. е. тогда, когда составлялась (или уже была составлена) табель о рангах Валентиниана I (372 г.).

Различия во взглядах на знатность заметны и в восточной части империи, хотя здесь они проявились несколько иначе; иной была и эволюция их, обусловленная, по всей видимости, тем, что на Востоке не было мощного слоя родовитой сенаторской аристократии, сохранявшей свои позиции на Западе вплоть до VI в.²³, в то время как императорская власть оказалась более сильной именно здесь, на Востоке.

Как и на Западе, а, может быть, еще в большей степени, император и его окружение заботятся о том, чтобы придать больший вес администрации и двору, что сказалось в системе эпитетных характеристик, употребляемых по отношению к приближенным василевса. Уже Константин, обращаясь к своему префекту претория Востока Аблабию, человеку весьма низкого происхождения, называет его *carissime et iucundissime*²⁴. С такими же словами обратится позднее его сын Константин II к проконсулу Азии Марину в повелении воздвигнуть статуи во всех основных городах для прославления бывшего префекта претория Филиппа, в прошлом сына колбасника²⁵. Сами по себе, хотя и нейтральные (*carissime et iucundissime*, *speciatim gloria deputans*), эти слова определенно должны были выделить, отличить приближенных императора среди остального населения, особенно если учесть, что официальными титулами в ту пору обычно становились сходного рода эпитеты: *perfectissimus*, *eminentissimus*, *clarissimus*.

Уже с середины IV в. Констанций добавляет к титулу *clarissimus* при употреблении его для высших чиновников слово *procer*²⁶. Тогда же начали именовать префекта претория Востока титулом *clarissimus et illustis*²⁷, а к середине V в. стало уже вполне обычным называть представителей высшей администрации и придворных *magnificentissimi et gloriosi*, т. е. великолепнейшими и знатнейшими, что и зафиксировано в Актах Халкидонского собора²⁸.

¹⁵ PLRE. 1. P. 52.

¹⁶ Ibid. P. 214.

¹⁷ Barnes T. D. Op. cit. P. 446—448.

¹⁸ Matthews J. Western Roman Aristocracies and Imperial Court. A. D. 364—425. Oxford, 1975. P. 16.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Список префектов претория см.: PLRE. 1. P. 1047—1052.

²¹ Barnes T. D. Op. cit. P. 448—449.

²² PLRE. 1. P. 872.

²³ Matthews J. Op. cit. P. 362.

²⁴ PLRE. 1. P. 5.

²⁵ Ibid. P. 697.

²⁶ C. Th. VI.4.12.

²⁷ Dagron G. Op. cit. P. 159. N 2.

²⁸ Acta conciliorum oecumenicorum / Ed. E. Schwartz. B., 1915. T. 2. Vol. 1. P. 55.

Между тем, по мнению Либания, знатным человек был лишь в том случае, если он являлся аристократом в четвертом поколении²⁹. Рекомендую кого-либо из своих друзей, он непременно подчеркивает благородство его происхождения, образованность, деятельность на благо города, причем если образованность и служение городу могут меняться местами в этих клише, то благородство всегда на первом месте³⁰. Разумеется, речь в данном случае идет не о приближенных императора и его администрации, а о муниципальной аристократии.

Точку зрения Либания полностью разделял (даже в более резкой форме) Евнапий из Сард. В его представлении высшие слои империи делятся на благородных (ἐὺ γεγονότες)³¹ и придворных (οἱ περὶ τὸν βασιλέα)³², и если благородные всегда «хорошо воспитанные» (ἐὺ πεφωκότες)³³, то окружение императора — это «тот, кто повернул зло»³⁴, распущенное и распутное, склонное к порокам, творящее зло и беззаконие³⁵.

Стремиться попасть в ряды константинопольской знати значило, по мнению провинциальной аристократии, подвергнуть свою жизнь большой опасности. Эту мысль особенно отчетливо проводит Евнапий в своем сочинении «Vita sophistarum», где главное внимание сосредоточено на неудачах тех, кто в поисках счастья отправился в новую столицу³⁶.

Евнапий не отрицает возможности успеха в Константинополе для представителей муниципальной аристократии. Но примечательно, что из тех людей, о которых он рассказывает, мало кто шел этим путем. Некоторые, как Гимерий, смотрели на город на Босфоре как на ступень к гораздо более престижной в их глазах провинциальной карьере, где у риторика несомненно было больше серьезных учеников, а у общественного деятеля — меньше конкурентов из выскочек-бюрократов³⁷.

Для Евнапия истинным призванием благородных людей (т. е. куриалов и риторов, вышедших из их среды и отражавших их интересы) было умножать культуру своего города, не искать славы и обогащения, сопряженных с опасностями, в среде выскочек-аристократов и не подвергать свою чистоту риску в подозрительной столице. Так же рассуждал и Либаний, который в 355 г. в письме к Датиану пишет, что он не может променять Сирию, страну муз, на столицу, живущую иными интересами. Для него это значило уподобиться моряку, занявшемуся землепашеством³⁸.

В городах восточных провинций греческая культура и образование все еще процветали в стиле, уходящем своими корнями в эллинистическую эпоху и софистский «ренессанс Римской империи»³⁹. Горожане восхваляли своих правителей и благодетелей в традиционном духе. Это и был мир Либания и его единомышленников, что нашло свое отражение в известном трактате «Expositio totius mundi», составленном в 359—360 гг., где Константинополю отведено весьма скромное место, всего лишь как городу,

²⁹ Libanii Or. XLII. 22.

³⁰ Idem. Ep. 559, 862, 912, 1224, 1474 etc.

³¹ Eunapii Fr. 4, 49, 106.

³² Idem. Fr. 18.

³³ Ibid. 36, 106. Слова «благородный» и «хорошо воспитанный» употребляются рядом, причем и в той и в другой последовательности, по существу являясь если не синонимами, то во всяком случае близкими понятиями. Именно в этом смысле следует, по-видимому, понимать и замечание Аммиана Марцеллина о Меммии Витразии Орфите, что тот был менее культурен, чем подобает знатному (Аmm. Marc. 14.6.1), а не так, как этот пассаж истолковал А. Шастаноль, предположивший, что в нем проявились скрытые притязания Аммиана на собственную знатность. См.: Chastagnol A. Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire. P., 1962. P. 140.

³⁴ Eunap. Fr. 18.

³⁵ Ibid. 46.

³⁶ См., например, пассажи о Сопатре из Апамен, Максиме из Эдессы и др. (Eunap. Vita sophist. VI. 2.3.7—11; 3.7.13; 6.12; 6.15).

³⁷ Ibid. 43.

³⁸ Lib. Ep. 441.

³⁹ Bowersock G. W. Greek Sophists in the Roman Empire. Oxford, 1969. P. 201; Cameron A. L. Wandering Poets: a Literary Movement in Byzantine Egypt // Historia. 1965. Vol. 14. P. 470—509; Festugière A. J. Antioche païenne et chrétienne. P., 1955. P. 63.

который почтил своим вниманием император Константин ⁴⁰, в то время как Антиохия, являвшаяся центром муниципальной аристократии Востока, прославляется в самых высоких словах как город блестящий во всех отношениях, замечательный своими постройками и своим населением ⁴¹.

Нередко критику Либания и Евнапия по отношению к Константинополю исследователи объясняют тем, что они были убежденными сторонниками язычества, в то время как новая столица с самого начала создавалась как христианский центр ⁴². Однако главное, по-видимому, состоит не в этом, а в том, что в результате появления новой столицы на Босфоре муниципальная аристократия была значительно ослаблена и численно уменьшилась ⁴³. Привычное равновесие нарушалось. Слияния новой знати и муниципальной аристократии Востока еще не произошло. Интеграции римских политических начал и греческой культуры еще не совершилось. Это было делом будущего.

Правда, это будущее начинало создаваться уже в IV в., когда на службу императору поступил один из образованнейших представителей ранневизантийской элиты Фемистий ⁴⁴. По временам и Либаний начинает удостаивать похвалы Константинополь и его сановников, хотя нельзя не отметить, что всякий раз эта похвала объясняется стремлением польстить своему адресату, нежели действительно воздать должное городу. Показательно в этом отношении письмо 251, написанное в 359—360 гг. и адресованное префекту Константинополя Гонорату. В нем, в частности, говорится, что ситуация в городе заметно улучшилась и что благодаря заботам префекта город по красоте своих построек может даже соперничать с Антиохией ⁴⁵. Как мы видим, похвала Либания — это похвала не столько городу, сколько его префекту. Нельзя также не заметить, что похвала эта весьма сдержанна; Либаний допускает лишь одну возможность, а именно, что Константинополь может только подняться до уровня древних городов-полисов, но никак их не превзойти. Это максимум того, что мог допустить Либаний.

Конечно, ритор уже сознает, что на стороне сановной аристократии сила ⁴⁶, он уже называет ее представителей *ἐνδοκοί* (знатные) ⁴⁷, словом, которое станет вполне обычным обозначением для лиц, имеющих высокую должность, но все же до конца своей жизни этот страстный защитник интересов местной родовитой знати останется враждебным новой аристократии. Именно он в 390 г. с гневом и сарказмом откроет миру происхождение многих константинопольских сенаторов ⁴⁸, в том числе и упомянутого выше патрикия Датиана (консула 358 г.), которому он так льстил в письме 441 ⁴⁹.

Для него происхождение всегда значило больше, нежели должность. В письме к магистру официй Кесарию он обращается к высокому чиновнику, как к равному (на ты) ⁵⁰, и для него главное не сан Кесария ⁵¹, а то, что он *γενναῖος* ⁵².

⁴⁰ *Expositio totius mundi* / Ed. J. Rougé. P., 1966. P. 192.

⁴¹ *Ibid.* P. 158—159.

⁴² *Dagron G.* Naissance d'une capitale... P. 27—28.

⁴³ *Курбатов Г. Л.* Указ. соч. С. 189. Хотя, вероятно, нет оснований преувеличивать степень обеднения сословия куриалов в IV в. См.: *Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Л.* Указ. соч. С. 68.

⁴⁴ *Dagron G.* L'Empire romain d'Orient au IVe siècle et traditions politiques de l'hellénisme: le témoignage de Thémistios // *TM.* 1968. T. 3. P. 1—242.

⁴⁵ *Lib.* Ep. 251.11.

⁴⁶ *Lib.* Ep. 1491 (к Фемистию): «...ведь ты в силе, ибо в чьих руках власть, охотно оказывают тебе милости».

⁴⁷ *Ibid.* 1510 (о Майорине): «γενόμενος ἐξ ἐνδοξων, τὴν γὰρ δὴ μέγιστην ἤρξεν ἀρχὴν ὁ πατὴρ αὐτοῦ».

⁴⁸ *Lib.* Or. XLII. 24—25.

⁴⁹ Называя причины, по которым ему не хотелось покидать Антиохию, Либаний, между прочим, говорит о том, что не хочет оставлять город, так щедро и так искусно украшенный Датианом. См.: *Lib.* Ep. 441.

⁵⁰ *Lib.* Or. XXI. 1; Ср. письма Феодорита Киррского (например, 29—32, 96—97 и др.).

⁵¹ См. о нем: *PLRE.* 1. P. 171.

⁵² *Lib.* Or. XXI. 1.

Вся преподавательская деятельность Либания была направлена на создание поколения (он вырастил небывалое количество учеников — 196)⁵³, которое противостояло бы бюрократизации империи, новой сановной знати⁵⁴.

Гораздо более прагматичен при употреблении терминов, обозначающих верхние слои населения, Юлиан Отступник. Он не задается вопросом о происхождении, а просто констатирует, что верхи — это те, кто имеют реальную власть и богатство: *δυνατοί, πλούσιοι*⁵⁵.

Отчасти близок к нему в характеристике верхних слоев населения младший современник Либания Иоанн Златоуст. В его проповедях верхи общества — это те, кто обладает богатством и властью⁵⁶. Возможно, в данном случае сказалось влияние христианской догматики, но, по всей вероятности, не обошлось и без влияния большей части аудитории, для которой в известной степени было безразлично, родовитые ли аристократы или представители новой знати противостояли им как богачи и власть имущие.

Хотя Иоанн Златоуст постоянно бичует богачей и представителей высшей имперской администрации (это одна из главных тем его сочинений)⁵⁷, хотя в своей критике чиновников он не менее резок, чем Евнапий (архонты сами нарушают закон, а потому не имеют права наставлять других⁵⁸), все же, согласно одной из его гомилий, нет в обществе почестей выше тех, которыми обладал препозит священной спальни Евтропий⁵⁹. А ведь Евтропий — бывший раб, и одним из его первых хозяев был обыкновенный солдат⁶⁰. Евнапия это возмущает, для него Евтропий так и остался рабом⁶¹, для Иоанна же Златоуста он главным образом *πατρίκιος καὶ ὕπατος*, и сегоования Иоанна носят скорее моральный, нежели социальный характер.

В письмах, однако, перед нами встает несколько иной Иоанн Златоуст. Правда, и в них он отдает дань высоким должностям, обращаясь к их обладателям со словами «твое великолепие» (*σοὺ μεγαλοπρέπεια*)⁶², «твоя дивность» (*σοὺ θαυμασιότητα*)⁶³.

Вместе с тем из ряда писем явствует, что в представлении Иоанна заметное место занимала и категория благородного происхождения (*εὐγένεια*)⁶⁴. Примечательно, что в письме к префекториану Анатолию он под-

⁵³ *Petit P.* Les étudiants de Libanius: Un professeur de faculté et ses élèves au Bas-Empire. P., 1957. P. 190.

⁵⁴ *Ibid.* P. 192.

⁵⁵ *Julian.* Misop. 368, 369. Категория «сильных» (*μεγάλοι τινὲς δυνάμεις*, а также *πρώτοι* встречается и у Либания. См.: *Lib.* Or. XLIX. 8; XLVIII. 40). Но у него она относится к группе выделившихся в течение второй половины IV в. в среде куриалов так называемых *principales* (см.: *Курбатов Г. Л.* Антиохия. . . С. 165), в отношении к ним у Либания резко враждебное, поскольку они, по его словам, губители остальных куриалов (Or. XLVIII. 40: «... τοὺς πρώτους ἀπολλύντας τοὺς δευτέρους καὶ τρίτους...»; ср.: Or. XLIX, также специально направленную против *principales*).

⁵⁶ *Jean Chrysostome.* Commentaire sur Isaïe / Ed. J. Dumortier. P., 1983. P. 84.23; PG. T. 47. Col. 583, 972—973; T. 51. Col. 227 etc.

⁵⁷ PG. T. 47. Col. 1052, T. 55. Col. 249; T. 60. Col. 491—492 etc.

⁵⁸ *Jean Chrysostome.* Commentaire sur Isaïe. . . P. 84. 23.

⁵⁹ PG. T. 52. Col. 393: «Τίς γὰρ τοῦτου γέγονεν ὑψηλότηρος; οὐ πᾶσαν τὴν οἰκουμένην παρῆλθε τῷ πλούτῳ; οὐ πρὸς τῶν ἀξιωματῶν ἀνέβη τὰς κορυφάς».

⁶⁰ PLRE. 1. P. 440.

⁶¹ Повествуя о гибели в результате козней Евтропия военачальника Варга, Евнапий пишет: «Лишив жизни такого прекрасного человека, евнух — мужа, раб — консула, дворцовый служитель — воина. . . он непомерно гордился победой» (см.: *Eupar.* Fr. 72). Хотя Евтропий по своему положению был гораздо выше Варга и хотя последний также не был высокого происхождения (скорее всего, колбасник. — PLRE. 2. P. 210), в глазах Евнапия он (свободный по рождению и воин) все же был гораздо выше Евтропия, так как на евнухов, рабов и варваров по происхождению многие его современники, придерживавшиеся традиционных взглядов, смотрели лишь как на домашних рабов. О возвышении евнухов с IV в. см.: *Hopkins K. M.* Eunuchs in Politics in the Later Roman Empire // *Proceedings of the Cambridge Philological Society.* 1963. Vol. 189. P. 62 f.

⁶² *Ioan. Chrysost.* Ep. 188, 189, 194, 197, 101 etc.

⁶³ *Ibid.* 187, 197, 101, 121 etc.

⁶⁴ *Ibid.* 31, 48, 50, 65, 187, 205 etc.

черкивает не только его ранг, но и благородство⁶⁵. А в письме к епископу Кириаку он употребил даже особый термин для обозначения муниципальной аристократии (членов курии) — οἱ ἐν τέλει⁶⁶. Именно в круг этих τῶν ἐν τέλει он и просит епископа ввести сына своего покровителя, правителя Армении Сопатра⁶⁷. Иоанн, по-видимому считал, что юноше всего полезней будет общение именно с этой средой. Как близок он здесь к Либанию, все лучшее связывавшему с потомственными аристократами!

И все же благородство происхождения уже не вполне удовлетворяет Иоанна Златоуста. Его привлекают скорее личные качества человека — благородство души, добродетель, разумность, богобоязненность⁶⁸. И если для Либания благородство происхождения и благородство поведения практически совпадали⁶⁹, то для Иоанна Златоуста благородное происхождение и высокие моральные достоинства не всегда одно и то же. Характерно и другое — его особенно заботит наличие этих качеств у представителей военно-административного аппарата империи, именно у них в первую очередь он хочет их видеть. В письме к префекту Константинополя Студию он вначале говорит о его разумности и любомудрии, а уже потом называет его σοφὸν θαυμασιόθητα, δέσποτα μεγαλοπρεπέστατε⁷⁰.

Еще явственнее точка зрения Иоанна Златоуста проявилась в письме, написанном могущественному Анфимию по случаю его консульства и вступления на должность префекта претория Востока, где он, в частности, пишет: «Другие поздравляют твою дивность с консульством и префектством, я же поздравляю самые эти должности с назначением на них твоего великолетия . . . Твое гражданское возвышение, в сущности, ничего тебе не прибавило: не префекта и консула мы любим, а кротчайшего господина моего, многоразумного мужа, исполненного любомудрия (φιλοσοφίας). Поэтому мы прославляем тебя не за то, что ты воссел на это кресло, а за то, что ты получил таким образом обширнейшую возможность показать свой ум и свое человеколюбие»⁷¹. Вполне очевидно, что, по мнению Иоанна Златоуста, правнук колбасника Анфимий⁷² в силу своих моральных качеств не только заслуживал высшей должности в административном аппарате империи, но и служил ее украшением. Любопытна, пожалуй, и другая деталь — Иоанн не столько поздравляет Анфимия, сколько дает ему наказ не отказываться в своей сложной деятельности от присутствующих ему добродетелей, соблюдая разумность правления и милосердие.

Таким образом, если Либаний и Евнапий не признавали за придворными и высшими чиновниками права на знатность⁷³, стремясь словом и

⁶⁵ Ibid. 205.

⁶⁶ Ibid. 64. О термине см.: *Petit P. Libanius et la vie municipale à Antioche au IVe siècle* après J.—C. P., 1955. P. 30.

⁶⁷ *Ioan. Chrysost.* Ep. 64.

⁶⁸ Ep. 32, 39, 43, 44, 82, 147, 172, 197 etc.

⁶⁹ *Lib.* Ep. 862, 912, 1224, 1393 etc.

⁷⁰ Ep. 197.

⁷¹ В слове φιλοσοφία, казалось бы, есть указание на высокую образованность Анфимия. Однако, на наш взгляд, оно означает здесь постижение высших христианских истин, о чем свидетельствуют такие встречающиеся в письмах Иоанна выражения, как истинная философия (ἀληθὴ φιλοσοφία — Ep. 61), а также πολλή φιλοσοφία (Ep. 55), которое иначе не переведешь, как большое любомудрие, поскольку оно содержится в письме, обращенном к монахам. В связи с этим нам представляется спорным утверждение авторов «Просопографии Поздней Римской империи» о том, что Иоанн Златоуст, употребив в письме к консулярию Феодоту (Ep. 131) слово φιλοσοφία, советовал ему таким образом дать сыну хорошее образование (PLRE. 2. P. 1031. Theodotus 2). Смысл этого письма, так же как и другого, направленного тому же адресату (Ep. 61), свидетельствует, скорее всего, о том, что сын консулярия встал на путь постижения христианских истин, отказавшись от административной карьеры, что, видимо, и беспокоило отца. Что касается Анфимия, то он, скорее всего, был неплохо образован, поскольку среди его советников и близких друзей были известные философы и поэты, такие как Троил и Теотим (*Synesii Opera* // PG. T. 66. Ep. 47, 49, 73 etc.). Об образованности Анфимия знал, конечно, и Иоанн Златоуст, не без основания назвавший его «многоразумным» (. . . τὸν πολλῆς συνέσεως), но главное для Иоанна в Анфимии — это его высокие моральные достоинства.

⁷² PLRE. 1. P. 696—697; 2. P. 93—95.

⁷³ И их можно было понять, поскольку императорскими службами до IV в. ведали главным образом рабы и вольноотпущенники.

действием противостоять им как злу, которое еще можно, по их мнению, преодолеть, то Иоанн Златоуст, сын человека, пусть благородного происхождения, но обедневшего и вынужденного пойти на службу императору, сам убедившийся и в Антиохии, и в Константинополе в реальной силе прочно укрепившейся на Востоке имперской администрации, смирился с ее существованием. Продолжая ценить благородство происхождения, он уже считал высокой честью любой высший сан, даруемый императорской властью, и желал лишь одного — чтобы у обладателя высшей власти знатность положения сочеталась с благородством души и добродетелью.

На несколько иных принципах признает чиновную знать представитель муниципальной аристократии Пентаполя Синесий Киренский. Как истинный аристократ, род которого восходит к Эврифену, приведшему дорийцев в Спарту, он чрезвычайно гордится своим происхождением. В письме 57 против презида Пентаполя Андроника Синесий с гордостью противопоставляет свою богатую родословную ⁷⁴ низкому происхождению презида, поднявшегося от рыбной ловли (ἀπὸ θυνοσχοτείου). Высоко ставя знатность происхождения, он в своих жалобах, адресованных константинопольским друзьям, особенно горько сетует на злоупотребления представителей имперской администрации по отношению к людям «благородным» (εὖ γεγονότες) ⁷⁵.

Предворные же и представители высшей имперской администрации для него лишь лица, обладающие силой и могуществом (οἱ δυνατοί, οἱ ἐν δυνάμει ⁷⁶). Упомянутого выше префекта претория Анфимия он именует обычно либо μέγας, либо μέγας, либо просто ограничивается одним именем ⁷⁷. В его письмах встречаются выражения «твое великолепие», «твое почтение» ⁷⁸, но в отличие от писем Иоанна Златоуста они здесь крайне редки, официальных же титулов представителей высшей администрации и двора он, как правило, не употребляет, что справедливо подметил в свое время Ж. Пандо ⁷⁹. Более того, в используемой Синесием терминологии заметна одна любопытная вещь. В то время как официальное законодательство употребляет по отношению к высшим чиновникам титул λαμπρότατος (clarissimus) ⁸⁰, что и означает по существу знатнейший ⁸¹, Синесий относит этот титул в первую очередь к представителям родовитой аристократии, в частности к муниципальной знати Пентаполя. Так, он употребил этот термин по отношению к куриалу Магну, своему родственнику Героду и др. ⁸² Именно слово λαμπρότης он использовал в упомянутом письме 57, когда говорил о своей знатности.

⁷⁴ В доказательство своей знатности Синесий ссылается на общественные таблицы (αἱ δημόσιαι κύρβεις). Существование подобных таблиц, несомненно, свидетельствует о том, сколь огромная важность придавалась в городах происхождению человека.

⁷⁵ Ep. 38, 72, 94, 130.

⁷⁶ Ibid. 89, 130, 134; De Regno. 1.2. etc.

⁷⁷ Ep. 47, 49, 73, 75, 79.

⁷⁸ Ibid. 31.

⁷⁹ Pando J. The Life and Time of Synesius of Cyrene as Revealed in his Works. Wash., 1940. P. 109. Ж. Пандо это несколько поставило в тупик, поскольку, как он пишет, речь идет о высших представителях власти. В действительности здесь просто сказалось отношение Синесия к чиновно-военной администрации империи.

⁸⁰ C. Th. II.14.1; VI.4.4; VI.4.9; VI.4.11; VI.24.7—10 etc.

⁸¹ Pharr C. The Theodosian Code. Princeton, 1952. P. 588.

⁸² Ep. 72, 38. По мнению Ж. Пандо, и Магн, и Герод, поскольку Синесий употребил по отношению к ним слово λαμπρότατος, в самом деле являлись сенаторами (Pando J. Op. cit. P. 109). Но эту точку зрения справедливо, на наш взгляд, оспаривают авторы «Просопографии» (PLRE. 2. P. 551). Однако мы не согласны с ними в том, что слово λαμπρότατος не имело у Синесия терминологического значения, являясь простым определением. Λαμπρότατος в его сочинениях, вне всяких сомнений, являлся термином, но по отношению не к военно-чиновной знати, а к родовитой аристократии. Характерно и то, что константинопольского сенатора он не ставит выше члена городской курии, обозначая и того и другого одним и тем же термином — βουλευτής, равно как и константинопольский сенат он называет, проявляя таким образом свое отношение к нему, тем же словом, что и городскую курию, — βουλευτήριον (Ep. 18, 19, 20; De Regno. XI, XV, XX). хотя уже Либаний именовал по временам константинопольский сенат μέγας συνέδριον (Libanii Ep. 118⁹).

И все же Синесий делит людей не столько по происхождению, сколько по личным достоинствам, в чем он достаточно близок к Иоанну Златоусту. Как и Иоанн, он первым качеством, необходимым человеку, считает благородство души, но если в системе ценностей Иоанна Златоуста далее следуют прочие моральные достоинства, то Синесий главный акцент делает на образовании, причем образовании традиционно эллинском, а не римско-юридическом, которое было в ходу у тех, кто стремился к административной карьере ⁸³.

В наиболее четкой форме взгляды Синесия оказались выражены в сочинении «Египтяне, или О провидении» ⁸⁴, посвященном сыновьям Тавра, поднимающегося от должности простого нотариуса до поста префекта претория ⁸⁵. Этого Тавра Синесий выводит в «Египтянах» в роли царя-философа, а его дети Аврелиан и Евтихиан, также занимавшие высокие административные посты ⁸⁶, послужили прототипами царских детей — Осириса и Тифона, являвшихся, несмотря на родство, совершенно разными созданиями. «Осирис и Тифон, — пишет Синесий, — были братья и произошли от одного и того же семени, но кровное родство еще не есть родство душ, поскольку не происхождение от одних и тех же родителей на земле имеет влияние на души, а излияние из одного и того же источника. Природа мира создала два таких источника — источник света и источник мрака». Душа Осириса, заключает Синесий, происходила от источника света, а Тифона — от мрака ⁸⁷.

Оставляя здесь в стороне философскую сторону этого высказывания ⁸⁸, хотим лишь отметить, что для Синесия важно не столько кровное родство и происхождение, сколько благородство души либо ее низость (ψυχῶν εὐγένεια, ψυχῶν δυσγένεια) ⁸⁹. Но благородство души, хотя и необходимая, но все же, в представлении Синесия, лишь предпосылка для совершенствования человека; ее обладателю следовало, судя по тому же произведению, получить хорошее воспитание и образование ⁹⁰, поскольку «природа лишь подготавливает душевную силу, а создает ее упражнение, вершина которой философия» ⁹¹.

Прототип Осириса Аврелиан как раз и был наделен этими качествами, и хотя он являлся знатным лишь во втором поколении, именно в его адрес

⁸³ О двух видах образования см.: *Libanii Or.* LXII. 21—23.

⁸⁴ Мы использовали не издание Ж. П. Миня, где сочинение озаглавлено «Египтянин. . .» (*PG. T. 66. Col. 1209*), а издание Н. Терцаги: *Synesii Cyrenensis Hymni et Opuscula / Ed. N. Terzaghi. Roma, 1944. Vol. 2. P. 143—189*. Хотя издатель исходил из палеографических данных (см. P. IX—XII), принятое им название, как нам представляется, больше соответствует и содержанию самого труда. Х. Лякомбрад называет это произведение нейтрально *Récit Égyptien (Lacombrade Ch. Synésios de Cyrène. Hellenes et Chrétien. P., 1951. P. 90—97; Cf.; Dagron G. Naissance d'une capitale. . . P. 171; История Византии. М., 1964. Т. 1. С. 422, где дано примерно такое же название — «Египетские рассказы»)*, и, хотя ему известно издание Н. Терцаги, он, судя по сноскам (*Lacombrade Ch. Op. cit. P. 90—97*), пользовался главным образом изданием Ж. П. Миня.

⁸⁵ *PLRE. 1. P. 879—880*.

⁸⁶ Аврелиан был с 393 г. префектом Константинополя, с 399 г. — префектом претория Востока; Евтихиан в 397—399 гг. и 404—405 гг. занимал пост префекта претория Востока (*PLRE. 1. P. 128—129, 319—321*). Ранее исследователи считали, что под Тифоном подразумевался префект претория Востока 395—397 гг. Кесарий (*Кулаковский Ю. История Византии. Киев, 1913. Т. I. С. 173; Demougeot E. De l'unité à la division de l'Empire romain, 395—410. Essai sur le gouvernement impérial. P., 1951. P. 220, 232*). Возражения см.: *PLRE. P. 171, 320*.

⁸⁷ *De providentia. I. 1 // Synesii Cyrenensis Hymni. . . P. 143—144*.

⁸⁸ По мнению А. Остроумова, здесь сказалось влияние на мировоззрение Синесия восточных философских воззрений (*Остроумов А. Синезий, епископ птолемаидский. М., 1879. С. 254—255*). Х. Лякомбрад, напротив, считает, что высказанная в этом пассаже мысль Синесия о происхождении душ восходит к исконно греческим представлениям времен Гомера (*Lacombrade Ch. Op. cit. P. 116*).

⁸⁹ *Synesii Cyrenensis Hymni. . . P. 146*.

⁹⁰ *Ibid.*

⁹¹ *Ibid. P. 31*.

Синесий расточает восторженные слова ⁹², именно его считает достойным обозначения *μεγαλοπρέπεια*, а его сына Тавра он, представитель одного из древнейших родов империи, называет надеждой римлян ⁹³.

Благородство души, высокая образованность делали человека сопричастным древней эллинской культуре ⁹⁴ и потому компенсировали в глазах Синесия недостаточно высокое происхождение.

Новую ступень в представлении о знатности являет нам мировоззрение представителя культурной элиты Востока первой половины V в. Феодорита Киррского. Происхождение его в точности неизвестно, но его высокая, в традиционном духе образованность ⁹⁵ дает возможность предполагать, что хотя бы по одной (скорее всего, материнской) линии он принадлежал к родовой аристократии ⁹⁶. Вместе с тем взгляды Феодорита на элиту общества не исключают и того, что в его роду были представители военно-чиновной знати, либо выходцы из среды куриалов, пошедшие на службу императору, как это было с отцом Иоанна Златоуста.

Но, прежде чем обратиться к анализу представлений Феодорита о знатности, остановимся кратко на статье П. Каниве, специально посвященной характеристике социальной стратификации в сочинении Феодорита «История Боголюбцев» ⁹⁷. По мнению этого исследователя, Феодорит отличает среди верхов общества следующие категории: архонтов, т. е. высших чиновников и военных, куриалов и знать ⁹⁸. К знати П. Каниве относит лиц, определяемых Феодоритом словом *λαμπρότατος* или *ἐπίσημος*, в то время как лица, снабженные эпитетом *τῷ γένει κοσμοῦμενος* etc., являлись, по его мнению, людьми *d'une origine moyenne* ⁹⁹. Бросается в глаза, однако, что слово *λαμπρότατος* имеет в сочинениях Феодорита двойное значение. В письмах он наделяет им представителей высшей имперской администрации ¹⁰⁰, т. е. тех самых лиц, которые, по П. Каниве, относятся к категории архонтов. Между тем в «Истории боголюбцев» *λαμπρότατος*, так же как и другие производные формы глагола *λάμπω*, является, как правило, простым определением. Таковы, в частности, выражения: блестящее общество (*δούλλογος λαμπρός*) ¹⁰¹, блистающий саном (*τῷ ἀξιώματι λαμπρός*) ¹⁰², блистающий добродетелью (*τῇ εὐσεβείᾳ λαμπροῦμένη*) ¹⁰³, блистающий кротостью (*πραότητι λάμπων*) ¹⁰⁴ и т. д.

Равным образом и в сочетании со словом *γένος* (*τοῦ γένους λαμπρότατος*) ¹⁰⁵ это слово означало «блистающий родом», а не принадлежность, как полагает П. Каниве, в категории *clarissimi* ¹⁰⁶, к которой сам Феодорит, судя по его письмам, относит высших чиновников, употребляя в этих случаях

⁹² В одном из писем Синесий обращается к Аврелиану с такими словами: «Я думаю, что твоя божественная душа (*θεσπέσια ψυχή*) для того нам и ниспослана, чтобы быть общим благом для людей. . .» (Ер. 38. Ср. Ер. 31).

⁹³ Ер. 31

⁹⁴ *Synesii Cyrenensis* Нумни. . . Р. 134.

⁹⁵ На «разбойничьем» соборе 449 г. Феодорита в числе прочих обвинений порицали за то, что он толковал сочинения Платона, Аристотеля и врачей, а Писанием пренебрегал (*Глубоковский Н. Блаженный Феодорит, епископ Киррский. Его жизнь и литературная деятельность. М., 1890. С. 9*).

⁹⁶ Уже к концу IV в. куриалы нередко выдавали своих дочерей замуж за представителей имперской администрации, на что горько сетовал Либаний (Or. XLVIII. 30).

⁹⁷ *Canivet P. Catégories sociales et titulature laïque et ecclésiastique dans L'Histoire Philothée de Théodoret de Cyr // Byz. 1969. Т. 39. Р. 209—230.*

⁹⁸ *Ibid. Р. 218—219.*

⁹⁹ *Canivet P. Op. cit. Р. 227—228.*

¹⁰⁰ Например, архонтов Неона, Саллюстия и Урания (Ер. 37, 40, 76).

¹⁰¹ Ер. 30.

¹⁰² PG. Т. 82. Col. 1332 С.

¹⁰³ *Ibid. Col. 1368 В.*

¹⁰⁴ *Ibid. Col. 1332 В.*

¹⁰⁵ *Ibid. Col. 1389 А.*

¹⁰⁶ *Canivet P. Op. cit. Р. 228.* Однако в своей более ранней статье и П. Каниве понимал слово *λαμπρότατος* в данном случае как обычное определение (*Canivet P. Saint Théodose de Rhosos a-t-il fondé un monastère à Antioche? Théodore. Histoire philothée. С. 10 // Analecta Bollandiana. 1965. Т. 83. Р. 352*).

слово *λαμπρότατος* или *λαμπρότης* без сочетания со словом *γένος*¹⁰⁷. И именно к этой категории титулованных сановников Феодорит, вне всяких сомнений, относит (о чем позволяет судить вся его переписка) магистрa официальных 386—387 гг. Флавия Кесария¹⁰⁸ и префекта и консула Анфимия¹⁰⁹, в то время как П. Каниве включает их в группу чиновников, не имеющих ничего общего со слоем клариссимов¹¹⁰. Исследователь перенес в данном случае на Византию пример Рима¹¹¹, где клариссимы являлись обычно представителями родовитой сенаторской аристократии, а чиновники и военные попадали в сенат лишь на определенных условиях. Между тем в Византии именно представители высшей имперской администрации в первую очередь носили сан клариссима, как и более высокие титулы¹¹².

Что касается слова *ἐπίσημος* (известный, именитый, знатный), то оно также не является обозначением какой-то особой, не связанной с другими категориями знати (по П. Каниве — это *spectabiles*¹¹³), но в отличие от слова *λαμπρότατος*, относившегося при употреблении его в самостоятельном значении к высшим чинам империи, оно в сочинениях Феодорита обычно связано со слоем *εὐγενεῖς*, т. е. теми, кого, по мнению П. Каниве, Феодорит считал людьми средними по происхождению. Вот несколько примеров: *γένος δὲ τὸ τῆς πατρίδος ἐπίσημον*¹¹⁴; *Πρῶτον μὲν γὰρ τοῦ γένους κατὰ φρονήσας (ἐπίσημον δὲ ἦν τοῦτο καὶ λαμπρόν)*¹¹⁵.

Основная ошибка П. Каниве, допущенная им при анализе сочинения Феодорита, заключается, на наш взгляд, в том, что он смешивает воедино различные принципы классификации общества, существующие в произведениях этого писателя. Этих принципов у него действительно несколько: функциональный (архонты — подданные¹¹⁶), имущественный (богатые — бедные¹¹⁷), а также по характеру знатности (родовитости или сановности).

В данной статье нас в первую очередь интересует, как представлял себе знатность Феодорит Киррский и каково было его отношение к различным ее видам. Вне всяких сомнений, он высоко ставит происхождение человека. Так, совершенно в духе Евнапия пишет он о двух знатных матронах (Марине и Кире), род которых был знаменит у них на родине (в Берое), а сами они получили воспитание, соответствующее их происхождению¹¹⁸. А в письме к софисту Аерику он изъясняется следующим образом: «Я слышу, что у Вас собирается блестящее общество и что собрание это состоит из людей, украшенных славой рода (*προγονικῇ περιφανείᾳ*) и

¹⁰⁷ Ep. 23, 37, 76, XL.

¹⁰⁸ PLRE. 1. P. 250.

¹⁰⁹ О нем см. выше.

¹¹⁰ *Canivet P. Op. cit.* P. 221—222.

¹¹¹ *Ibid.* P. 228.

¹¹² См.: Чекалова А. А. К вопросу о возникновении сенаторского сословия Константинополя // ВВ. 1989. Т. 50. С. 51—57.

¹¹³ *Canivet P. Op. cit.* P. 228.

¹¹⁴ PG. T. 82. Col. 1489 C.

¹¹⁵ PG. T. 82. Col. 1368 A. Эта фраза процитирована П. Каниве так, что слово *γένος* оказалось пропущенным (*Canivet P. Op. cit.* P. 227). Ср. фразу «ἐπίσημος δὲ ὢν ἀπὸ τῆς τοῦ γένους λαμπρότητος» (PG. T. 82. Col. 1389 A), неточно воспроизведенную П. Каниве как *ἐπίσημος καὶ ἀπὸ τῆς τοῦ γένους λαμπρότητος* (подчеркнуто нами. — А. Ч.). Что касается фразы «γυναῖκά τινα τῶν ἐπίσημων, καὶ γένει καὶ πλοῦτις σεμνυνομένην» (в которой при цитировании П. Каниве опустил поставленную издателем, как нам кажется, вполне уместно, запятую после слова *ἐπίσημον*), мы понимаем ее как «некая женщина из именитых, украшенных и родом и богатством, а не как особа beaucoup plus distinguée, нежели женщина γένει λαμπροῦσα, как считает П. Каниве (*Canivet P. Op. cit.* P. 227).

¹¹⁶ PG. T. 82. Col. 1368 D, 1424 D etc. Феодорит прекрасно ориентировался в окружающей его действительности. Ему, например, был известен специальный термин для обозначения куриалов (*οἱ ἐν τέλει* — PG. T. 82. Col. 1332 B etc.), знал он и о *principales*, одним из которых был антиохиец Лето (τῆς μὲν Ἀντιοχείων βουλῆς τὰ πρωτεῖα ἔχων) (PG. T. 82. Col. 1413 B), принятый П. Каниве за простого куриала (*Canivet P. Op. cit.* P. 228—229).

¹¹⁷ PG. T. 82. Col. 1368 D.

¹¹⁸ PG. T. 82. Col. 1489 C. Ср. рассказ Феодорита о некоей Марине, чья судьба, по его мнению, была достойная послужить поводом для создания трагедии; саму Марину Феодорит называет *εὐγενεστάτην* (Ep. 70. См. также Ep. 14, XXVIII etc.).

обладающих изящной речью»¹¹⁹. Если бы эти слова дошли до нас анонимными, их вполне могли бы приписать Либанию, — настолько близки они ему по своей сути. И все-таки время давало о себе знать. Если Либаний признавал аристократом человека лишь в том случае, когда он был знатным в четвертом поколении, то притязания Феодорита несколько скромнее. Он, в частности, считает персоной высокого аристократического происхождения патрикия Тавра¹²⁰, сына упомянутого выше Аврелиана и внука нотариуса Тавра, т. е. человека знатного лишь в третьем поколении.

Примерно на том же уровне, что и знатность происхождения (понимаемую теперь уже несколько иначе), находится в представлении Феодорита и высокое положение в обществе. В письме к Тавру он пишет: «Кому следует защищать несправедливо обиженных, как не Вам, христолюбивый муж, ибо знатность рода и высота сана, а также первенство среди лиц, ведающих законами, дают Вам такое дерзновенное право»¹²¹.

А в письмах, написанных по поводу жителя Карфагена Келестиака, Феодорит даже не всякий раз говорит о его родовитости, но ни разу не забывает назвать его «удивительнейший и великолепнейший» (θαυμασιώτατος καὶ μεγαλοπρεπέστατος) либо «великолепнейший и славнейший (знатнейший)» (μεγαλοπρεπέστατος καὶ ἐνδοξότατος)¹²², т. е. словами, которыми обычно именовали высших сановников¹²³.

В письмах к представителям высшей имперской администрации Феодорит постоянно употребляет термины, свидетельствующие об их высоком сане: ваше великопение (ἡ ὑμετέρα μεγαλοπρέπεια)¹²⁴, ваше величие (τὸ ὑμέτερον μέγεθος)¹²⁵, ваше почтение (ἡ ὑμετέρα σεμνοπρέπεια)¹²⁶ и т. д. В ряде писем наряду с указанными терминами, Феодорит употребляет слово μεγαλοφυΐα¹²⁷, которое исследователи воспринимают либо как «благородство»¹²⁸, либо как «великолепие» (Magnificence)¹²⁹. Нам представляется, что Феодорит вложил в это слово другой смысл и что оно в его письмах означало не «благородство» и не «великолепие», а «высокоблагородие», т. е. благородство по статусу в общественной лестнице, которое в силу высокого поста компенсировало неблагородство происхождения. Показательно, что он использует это слово по отношению к префекту претория Востока Константину¹³⁰, магистру милитум Анатолию (консулу и патрикию)¹³¹, ближайшему советнику императора Феодосия II (а затем и Маркиана) патрикию Сенатору¹³², — все они принадлежали к числу ближай-

¹¹⁹ Ep. 30.

¹²⁰ Ibid. 88.

¹²¹ Ibid.

¹²² Ep. 29—36.

¹²³ По мнению Р. Дельэра, перечисленные слова являются не терминами, обозначающими сан, а лишь эпитетами, в которых сказалось желание польстить Келестиаку (см.: *Delmaire R. Les dignitaires laïcs au Concile de Chalcédoine: notes sur la hiérarchie et les préséances au milieu du Ve siècle* // Byz. 1984. Т. 54. Р. 175—176). Однако настойчивое повторение их (причем в определенном порядке) Феодоритом свидетельствует скорее о том, что Келестиак являлся обладателем вполне реальных титулов (ср.: PLRE. 2. Р. 279). Кстати, именно эти слова (μεγαλοπρεπέστατος, θαυμασιώτατος) употреблял и Евнапий для обозначения придворных (Fr. 87, 100), хотя делал это в насмешку над ними, даже с некоторой издевкой. См., напр., Fr. 100: «Μεγαλοπρεπής, попав на войну, ведет себя весьма опасно».

¹²⁴ Ep. 29, 34, 45, 79, 90, 91 etc.

¹²⁵ Ibid. 42, 44, 58, 80, 89 etc.

¹²⁶ Ibid. 7, 69, 100 etc. И. Азема переводит этот термин как noblesse (*Théodore de Cyr. Correspondance* / Ed. Y. Azéma. P., 1964. Т. 3. Р. 17). (1-й и 2-й том этого издания нам оказались недоступны). Мы следуем за Н. Глубоковским (Творения Блаженного Феодорита, епископа Кирского / Пер. Н. Глубоковского. Сергиев Посад, 1907. Ч. 7. С. 6).

¹²⁷ Ep. 42, 44, 79, 92.

¹²⁸ Творения . . . Феодорита. . . / Пер. Н. Глубоковского. С. 42, 44 и т. д.

¹²⁹ *Théodore de Cyr. . .* / Ed. Y. Azéma. P. 13, 43, 47 etc. И. Азема переводит этим словом и термин μεγαλοπρέπεια, и термин μεγαλοφυΐα (Ibid. P. 13).

¹³⁰ См. о нем.: PLRE. 2. Р. 317—318.

¹³¹ Ibid. P. 84—86.

¹³² Ibid. P. 991.

ших сподвижников императора и представляли его и сенат на Халкидонском соборе ¹³³.

Если у Феодорита и есть известная близость с Либанием, Иоанном Златоустом и Синесием в оценке родовитости ¹³⁴, то в оценке сановности (знатности по положению) он весьма заметным образом с ними расходится. В то время как Либаний и Евнапий не хотели признавать права на знатность за представителями высшей имперской администрации, в то время как Иоанн Златоуст и Синесий признавали его за этими людьми лишь на определенных условиях, то Феодорит Киррский считает высших чиновников и военных аристократами уже в силу самого их положения в аппарате империи.

Либаний, кому бы он ни писал, всегда обращался к адресату, как к равному, и основное обращение к нему у него было «ὦ δάμιονίε» ¹³⁵. Иоанн Златоуст (в меньшей степени Синесий) уже мог написать «твое великолепие», «твоя светлость», но заметим опять-таки, что это было обращение на «ты».

Феодорит, как правило, пишет адресату, полностью отдавая себе отчет в дистанции, существовавшей между ним и высоким сановником, и, какими бы смелыми ни были его письма, он всегда обращается к должностным лицам и придворным на «Вы» и всегда подчеркивает высоту их сана. И тут он очень близок к официальному законодательству, где со второй четверти V в. происходят весьма резкие изменения в титулатуре чиновников. Если раньше обычное их наименование было *clarissimus* ¹³⁶, а такие выражения, как «славнейший», «великолепнейший», не говоря уже о «величии», «великолепии», были крайне редки, то примерно с 420 г. Кодекс Феодосия буквально пестрит такими словами, как *magnificentia* ¹³⁷, *inlustris et praecelsa magnificentia tua* ¹³⁸, *inlustris et magnifica auctoritas tua* ¹³⁹, *tua inlustris et praecelsa magnitudo* ¹⁴⁰, с той лишь разницей, что император обращается к своим подчиненным на «ты».

По всей видимости, здесь сказалось изменение общей атмосферы в отношении к военно-чиновной знати, и эту атмосферу очень чутко уловил и тонко отразил в своей переписке Феодорит Киррский. В этом смысле его взгляды знаменуют собой определенную веху в представлении о знатности, когда даже культурная элита полностью признала за представителями высшей имперской администрации право на знатность, правда, как знатность по положению, весьма четко отличая ее от знатности по происхождению.

Как развивались представления о знатности в последующую эпоху, мы (за неимением места здесь) надеемся проследить в следующей статье.

¹³³ Delmaire R. Op. cit. P. 142—143.

¹³⁴ Как мы уже отмечали, Феодорит мог считать знатным человека, если он был таковым в третьем поколении. Кроме того, фраза, написанная по поводу жителя Кир Феодота, в которой особо подчеркивается, что он был благороден и по отцу (ὁ εὐγενέστατος υἱὸς ἡμῶν Θεόδωτος καὶ τῇ πατρὶς σεμνυνόμενος εὐγένεια — Ер. XXVIII), позволяет предположить, что Феодорит мог считать благородным человека и в том случае, когда он был высокого аристократического происхождения лишь с одной (например, материнской) стороны, каковым, возможно, как мы уже отмечали, был и он сам.

¹³⁵ См., напр.: Ер. 1474, направленное магистру официй Саллюстию.

¹³⁶ C. Th. VI.4.4; 4.11; 4.15; 24.7—10 etc.

¹³⁷ Nov. Marc. IV.1.1.

¹³⁸ Nov. Val. II.2.1; 3.1; XIII.1.16; XVII.1.4; XVIII.1.1. etc.

¹³⁹ Nov. Th. I.1.8; X.1.5; 2.1; XI.1.4; XII.1.2; XIII.1.2; Nov. Marc. IV.1.5 etc.

¹⁴⁰ Nov. Val. I.1.1; III.1.5; X.1.4; XIV.1.2; Nov. Marc. II.1.7 etc.